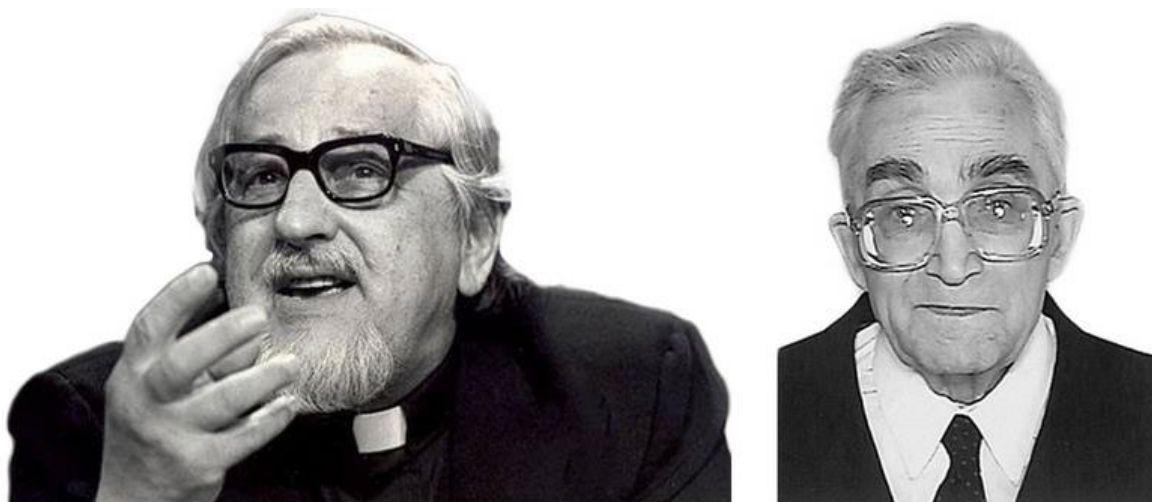

Размышление над книгой «Православие и экуменизм»

Размышление над книгой «Православие и экуменизм» со вступительной статьей прот. Виталия Борового и А. С. Буевского «Русская Православная Церковь и экуменическое движение»

Крупные деятели [экуменизма](#) и [мирологии](#) о [Виталий Боровой](#) и [Алексей Буевский](#).

В 1999 году в издательстве Московской Патриархии вышла книга под названием «Православие и экуменизм» со вступительной статьей прот. Виталия Борового и А. С. Буевского «Русская Православная Церковь и экуменическое движение». Статья, как и вся книга, представляет апологию экуменизма.

Эта статья вызывает у нас следующие размышления и возражения.

По нашему убеждению, необъективно и неоправданно со стороны авторов для доказательства «православия» своих мнений цитировать либеральных богословов XX столетия и при этом игнорировать труды крупнейших богословов традиционного направления, например таких, как священномученик митр. Иларион (Троицкий). Не менее удивительны ссылки на людей неправославных или с сомнительным православием, как на церковные авторитеты, а именно: проф. Николая Бердяева — религиозного экзистенциалиста с подчеркнутым индивидуализмом, приближающимся к анархизму; прот. Сергея Булгакова — идеолога софиологической ереси, и пресвитера Николая Афанасьева, который требовал свободы литургического творчества и пытался гипотетически реконструировать быт древнехристианских общин. Его «исследования»

сводились к критике современной православной литургики и являлись провокацией по отношению к православному церковному Преданию. Вызывает удивление также тенденциозное, волюнтаристское толкование авторами евангельских текстов вопреки святоотеческой экзегезе. Эти замечания мы относим, как к указанной статье, так и ко всему сборнику в целом.

Авторы стараются обосновать свой «панегиризм» стихами Евангелия от Иоанна, где Господь заповедовал Своим ученикам пребывать в духовном единстве («...дабы они были едино» (Ин. 17, 11; и другие цитаты) [1]. Из этого они делают оригинальный вывод, похожий на догмат экуменической веры: «Всякое единство — хорошо; а всякое разделение — плохо». Возникает вопрос: может ли быть единство между истиной и ложью; может ли существовать истина без отрицания лжи, может ли быть единство между светом и тьмой, между добром и злом, между добродетелью и грехом? А ересь — это интеллектуальный грех и духовное зло, лишаящее человека вечного спасения.

Далее авторы приводят слова Карташева, который хочет свести «разделение» (так либералы вежливо называют отпадение еретиков от Церкви) к дефициту любви и терпения у христиан, в том числе у святых Отцов. Этот высокопоставленный чиновник временного правительства, который захотел впоследствии стать историком Церкви, отличается в своих произведениях рационализмом, доходящим до скептицизма и тонкой иронии, например, в описании деятельности Вселенских Соборов. Неужели он должен быть авторитетом для православных?

Возмутительно его представление о Церкви, как о каком-то «детском саде», где дети повздорили между собой, переругались, надулись, поссорились и перестали разговаривать друг с другом, а теперь настало время, когда взрослые люди должны их примирить. Как можно серьезнейшие вопросы богословия и апологетики, которые с такой тщательностью изучали и с такой исчерпывающей полнотой, на основании Святого Писания и Предания, определяли святые Отцы, объявить чем-то второстепенным, несущественным и утверждать, будто деятели Вселенских Соборов и их преемники были просто-напросто самолюбивыми людьми, потерявшими дух Евангелия, и поэтому совершившие «грех Каина» — духовное братоубийство по отношению своих инакомыслящих собратьев. Если разделение — это историческое недоразумение, плод

гордости, злобы и фанатизма, взявших верх на церковных Соборах, то во что прикажет верить нам протопресвитер Виталий Боровой? В каком духовном и богословском вакууме окажемся мы?

Уже на заре христианства ап. Иоанн анафематствовал еретиков-докетов в самой категорической форме [2]. Значит для экуменического менталитета он не любимый ученик Христа, а орудие того, кто просил Господа рассеять апостолов, как пшеницу. Как допустимо после этого «православным экуменистам» считать Евангелие от Иоанна и его послания самыми высокими словами, прозвучавшими на человеческом языке? Апостол Павел советует отвращаться от еретика после первого или второго вразумления, потому что «тот развратился». Значит ап. Павел говорит эти слова не от Духа Святого, а от своего конфликтного характера?

Если Отцы Вселенских Соборов были не лучами небесного света, озарившего землю, а людьми, которые проявляли (реализовали) свое самолюбие в анафематствованиях еретиков, то как согласиться с утверждением Вселенских Соборов: «Изволилось Духу Святому и нам»? Какую цену могут иметь для нас догматы и каноны, утвержденные «конфессиональными гордецами»? Но тогда с чем же останемся мы? С дырой в стене или с теософским принципом: «Все религии отчасти хороши, но еще лучше самому составлять свою веру». Если же догматы и каноны Церкви истинны, то, упрекая православных за разрыв с еретиками, как в грехе против любви и единства, такие обвинители плюют в лицо своих отцов.

Далее авторы обращаются к истории и описывают мрачную картину завоевания восточных стран исламом. Они разумеется, видят причину этой трагедии в конфессиональном разделении христиан. У авторов отсутствует слово «истина», там действует другое понятие — «выгода» (прагматика). А может ли существовать без истины самое высшее благо, которое должно быть целью жизни христианина: богообщение? Если нет, то Церковь и Православие, соединенные с ересью, перестают быть Истиной и теряют силу освящать и спасать. Зачем же тогда они нужны? Нам совершенно безразлично в сотериологическом плане, завоевал ли древнехристианские регионы ислам или там осуществило свою экспансию католичество. Только можно утверждать, что католики действовали бы более жестко по отношению к православным, чем мусульмане, как это было во время крестовых походов.

По мнению прот. Виталия Борового, православные, отвергающие экуменизм на основании канонического устава Церкви, проявляют не твердость в вере, а «конфессиональную гордость и самодовольство».

Слова «конфессиональная гордость» являются бессмысленностью, хлестким названием, под которым скрывается умственная пустота. Основой православной жизни является смирение и покаяние. Этими чувствами, как бы нитями, пронизано все храмовое богослужение. Пусть автор укажет, в чем «наша конфессия», — так он безразборчиво называет Православие, — располагает людей к гордыне. Слова «конфессиональная гордыня» именно намекают на то, что это не личная гордыня, как грех, живущий в каждом потомке Адама, а гордыня, связанная с конфессией.

Возможно, авторы считают, что православная каноника, ограждающая нас от духовного общения с еретиками, является одновременно плодом и источником гордыни. Обвинить Церковь в гордости — это почти то же самое, что обвинить Бога в гордости. Грех гордости — универсальный грех, свойственный каждому человеку, только в различной степени. Православные, как и все люди, должны постоянно бороться с гордостью, подавлять ее выплески, и если временами побеждаются ею, то не из-за своей церковности, а вопреки духу и учению Церкви, то есть из-за своей невоцерковленности. Итак, прот. Виталий клеветает на Церковь, упрекая ее в какой-то неведомой нам гордыне.

Затем почтенные авторы к словам «конфессиональная гордость» приписывают еще слово «самодовольство», как будто свойственное православным христианам, желающим сохранить в чистоте веру своих отцов от экуменической коррозии. Самодовольство — это один из видов гордыни, грех против самих основ христианской нравственности — «духовной нищеты» и смирения. Самодовольство вовсе не является силой, удерживающей православных от сектантской агрессии и теософской беспринципности.

Напротив, агиография свидетельствует нам о том, что во времена гонений люди гордые и самодовольные первыми оказывались отступниками от Православия. Человек самодовольный легко переменит свою веру, если посчитает это выгодным для себя. Прот. Виталий, Вы допустили небольшую ошибку в словообразовании: мы не самодовольны, а довольны, — довольны своим Православием и считаем его величайшим даром Божиим, которого мы недостойны. А экуменисты, по-видимому, не вполне

довольны Православием, и поэтому хотят восполнить его опытом различных конфессий и сект. Например, испытать новые эмоции на совместных молитвах с квакерами, пятидесятниками и т. д. или посмотреть ритуальные танцы язычников и представления псевдохристианских сект.

Я вовсе не утверждаю, что сами авторы статьи столь радикальными методами освободили себя от конфессиональной гордыни; а только хочу указать логическое осуществление их советов, уже воплощенное в экуменической практике.

Но это все частности. А мы должны найти отправную точку, где начинаются наши расхождения, и ответить на кардинальный вопрос: возможно ли спасение вне Церкви и существует ли какая-нибудь другая благодатная Церковь, кроме Православной, которая была бы единой с небесной Церковью. Если спасение может осуществляться вне Православной Церкви, если имеются еще другие благодатные церкви, как несколько Тел Христа, то тогда надо решительно осудить деяния Вселенских Соборов, отлучивших еретиков от церковного единства (отсекших их от живого Тела Церкви, чтобы они своей духовной ложью не влили бы яд в ее кровь). Тогда надо отказаться от догматики и каноники, которые были утверждены на этих «братоубийственных» Соборах. Тогда должен стать вопрос о новом подходе к феномену святости, который не допускал бы канонизации и деканонизировал тех церковных деятелей, которые прерывали общение с еретиками, то есть нам необходимо будет отказаться от своей истории, своего вероучения, от своей экклезиологии и перейти к протестантскому анархизму.

Если же спасение возможно только в Единой Церкви, которой является Православная Церковь, то тогда вопрос о том, что лучше — католичество или мусульманство, иеговизм или кришнаитство — отпадает. Нельзя сказать, какое лекарство лучше или хуже, если оно не дает исцеление умирающему; с какой высоты безопаснее сорваться в раскаленное жерло вулкана; на какой кровати лучше умереть — на деревянной или железной; на каком корабле утонуть в море — маленьком или большом, вдалеке или вблизи от берега. Если христианские конфессии не обладают спасающей благодатью и средствами, соединяющими человека с Божеством, то они не имеют преимущества перед другими религиями мира и даже перед атеизмом.

Во время нашествия монголов на Русь и Европу высокопоставленные католические дипломаты предлагали Батыю принять католичество, обещая, что Ватикан поможет стать ему владыкой всего мира. Было ли лучше для Православия, если монгольская орда приняла бы католичество? Скорее всего — хуже. Рим поспешил бы с помощью монгольского оружия искоренить Православие. Св. князь Александр Невский знал, что с татарами можно договориться, а с католиками — нет. Он избрал единственно правильное решение: покориться татарам и бросить все силы на защиту Православия от агрессии католиков — тевтонского ордена и шведов.

История крестовых походов свидетельствует о том, что православным в Палестине, в том числе православному духовенству, приходилось испытывать большее угнетение со стороны католиков, чем от мусульман. Поэтому «крокодильи слезы» экуменистов о том, что из-за разделений христианство проигрывало свои позиции на Востоке — это психологический прием, а не историческая правда. Если Православие не отделило бы себя от лжеучения и не оказывало бы всенародного сопротивления агрессии, идущей с Запада — более страшной, чем с Востока, то Православия уже давно бы не существовало. Его уничтожил, ассимилировал и поглотил бы католический мир, и на сегодняшний день мы были бы католиками или протестантами. Не «летучими мышами, боящимися света», а «дальнозоркими орлами» были Отцы Вселенских Соборов и их преемники в лице Фотия и Марка Ефесского, которые видели, что ожидает Православие, если оно сольется с ересями, а не обособит и не защитит себя.

Авторы приводят возмутительные слова Карташева, с которыми, разумеется, согласны: *«Они (христиане А. Р.) сами виноваты в своих разделах и в услаждении этими разделениями. Не хватало любви христианской и вот Церкви разделились. Разве это не грандиозное, соблазнительное преступление — разделение Церквей?»* (стр. 7). Карташев — историк Церкви, следовательно, он должен знать о дискуссиях, соборах, святоотеческих посланиях, имеющих целью указать еретикам на их ошибки и не дать им погибнуть. О каком «услаждении» может быть речь? Неужели св. Игнатий Богоносец — ученик апостолов Петра и Иоанна — услаждался при мысли, что еретики погибнут, когда запрещал христианам общаться с ними и предостерегал от их учения Поместные Церкви? Неужели св. Поликарп, названный «отцом всего Востока», злорадствовал, обличая гностиков, как «первенцев сатаны»?

Неужели св. Иоанн Златоуст, св. Василий Великий и другие отцы, обличавшие ереси и расколы, страдали дефицитом христианской любви, которой переполнены Карташев и современные экуменисты, и радовались вечной гибели ариан и македониан? Разве православные, не пожелавшие стать католиками, хоты бы в форме навязываемой им унии, совершили «грандиозное и соблазнительное преступление»? Сам Карташев являлся министром исповеданий России при Временном правительстве, которое враждебно относилось к Церкви. Для осуществления своих идеологических планов им нужны были люди, скептически относящиеся к христианству, точнее к Православию. Такими были Карташев и Львов. Что касается деятельности Карташева в Богословском Институте в Париже, то, по свидетельству Флоровского, этот Институт субсидировали антихристианские силы, и в нем преподавали профессора преимущественно либерального направления. Неужели Карташев, Булгаков, Зеньковский и Хуфт являются авторитетами для православных теологов, а их произведения — источниками для цитаций?

В главе «Христианское разделение на Востоке» авторы датируют гностицизм II-м веком, что не соответствует историческим документам и даже самому Священному Писанию. Уже во времена апостолов существовали гностики, с влиянием которых боролись ап. Петр, ап. Иоанн Богослов и их ученики. Апостол Павел предостерегал христиан от общения с еретиками, а также увлечением бесплодной философией, по-видимому, гностическими космогониями. Родоначальником одного из гностических течений, обличаемом в Апокалипсисе, был диакон Николай Антиохиец, современник апостолов. Для чего нужна была эта, казалось бы, незначительная фальсификация, уважаемым авторам? По нашему мнению, для того, чтобы по возможности скрыть тот факт, что анафематизмы еретикам берут свое начало от апостолов, которых экуменисты не решаются прямо и во всеуслышание обвинить в «дефиците любви».

Авторы пишут, что *«Византийские императоры и иерархия патриархов Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима предпринимали на протяжении нескольких столетий (VI-X вв.) различные попытки и усилия богословско-церковного характера (полемика, собеседования, переговоры и т. п.), административно-государственного порядка (лишение кафедр, ссылки, преследования, принуждения и даже политический компромисс), чтобы вернуть отделившихся в лоно Православной Церкви. Все усилия потерпели неудачу, ибо движущими их*

мотивами были те же нецерковные, небогословские факторы национально-политического характера, которые лежали в основе разделений и привели к отделению» (стр. 8).

Здесь авторы словно забывают о самом главном универсальном факторе возникновения ереси — о грехе, который проявляется в области сознания в виде мировоззренческой лжи. Отец ереси — гордость, а мать — страстность, действующая через интеллектуальные мечтания. Уважаемые авторы в этом вопросе недалеко ушли от Энгельса, приписывающего возникновение средневековых ересей борьбе горожан с господствующим феодальным классом, с той разницей, что экономическо-социальную подкладку экуменисты подменяют национально-политической, то есть они остаются на позициях неверующих религиоведов.

Позвольте спросить авторов: а разве до Миланского эдикта (313 г.) не возникали ереси, и Церковь не боролась с ними? Ведь тогда у ересей не было ни национального, ни политического стимула, а Церковь была гонима самим государством. Значит, возникновение ересей и борьба Церкви с лжеучениями имеет другие, более глубокие причины, чем государственно-национальный прагматизм, и объяснения авторов мы должны признать вульгарными и носящими в себе инерцию материалистического мышления. Экуменисты хотят объяснить неудачи прежних попыток к единству факторами политического характера, так как будто эти факторы отсутствуют в современном экуменизме, и движущей силой его является только бескорыстная, всеобъемлющая любовь, которая нашла себе достойное место в сердцах зачинателей и деятелей. Но на самом деле, как раз за экуменическим движением стоят вполне реальные политико-экономические силы.

Авторы развертывают впечатляющую картину падения христианства на Востоке, когда прежде христианские регионы оказались под господством ислама. По их мнению, в этом виноваты *«разделившиеся и враждующие друг с другом христиане»* (стр. 9), то есть беда в том, что экуменизм запоздал на 15 столетий. Многоученые авторы оказываются не в ладах с исторической фактологией. Нередко страны, исповедующие Православие, которые, по мнению авторов, должны были стать военным монолитом перед лицом ислама, воевали между собой, например, Византия, Болгария и Сербия, и призывали на помощь магометанские войска против своих единоверцев. Особенно ожесточенные войны велись в течение столетий

между Византией и Болгарией. Поэтому утопическая картина военно-политического единства христиан, которое не осуществлялось, якобы из-за вероисповедальных разделений, опровергается самой историей. Разве часто одна православная страна вынимала меч в защиту другой во время мусульманской агрессии, а не старалась оторвать часть провинций у своего обессиленного соседа?

Авторы словно забывают один факт, а именно, что христианство — это не только вероисповедальное наименование, но образ жизни и верность христианским идеалам. Христос назвал своих последователей «малым стадом». В христианских странах даже в период их расцвета, как ни парадоксально, но христиан, то есть мыслящих и живущих по Евангелию, было меньшинство. Не исторические ситуации, а внутреннее отпадение от идеала христианства послужило причиной трагедии на Востоке, и более всех были наказаны те, кому было дано больше других познать истину, то есть православные. Бог отнимает у христиан то, что они сами оставили уже раньше; отнимает видимое, когда они теряют невидимое — сам дух христианства. Об этом говорили святые Отцы, считая, что единственное спасение Византии в покаянии и очищении нравов. Прот. Виталий Боровой объясняет причину политических трагедий на Востоке совсем в другом ключе, а именно, в том, что православные не стали прагматиками до конца и не посчитали себя едиными с еретиками, то есть грубо говоря, не продали своей веры. Как видно, у авторов граница между Православием и ересью стерлась во время экуменических контактов.

В магометанских странах число православных все более уменьшилось, но все-таки Православие не погибло. Но как поступило с православием католичество? В Западной Европе оно было просто-напросто уничтожено. Примером этого служит Каламбрия — Южная Италия, и в какой-то степени Ирландская Церковь, основанная греческими миссионерами. Там, где католицизм встречался с уже сложившейся православной структурой, он тотчас начинал разрушать ее. Когда власть захватывали еретики, то они преследовали православных с еще большей настойчивостью и жестокостью, чем иноверцы, например, несториане (в странах Средней Азии VI-XIV вв.). Столетнее владычество готтов-ариан в Северной Африке представляло собой мученичество за Православие.

Православным в католических и протестантских странах жилось тяжелее, чем под властью магометан. В России период, называемый

«бириновщиной», когда Православие унижалось и уничтожалось (особенно монашество), должен показать нам, что судьба православных, попавших под власть протестантов, не многим лучше ига католичества. Авторы предпочитают умалчивать об этом и сетовать на то, что православные сохранили свою веру; они не придают значения тому, что, если бы мы были в единстве с еретиками, то сами превратились бы в еретиков и лишили бы себя вечной жизни. Очевидно авторов не особенно пугает такая перспектива.

На странице 15-й авторы пишут: *«Печальный грех разделений привел к тому, что христиане (и на Востоке и на Западе) как бы смирились и свыклись с уродливыми язвами разделенного христианства и стали жить отдельно, изолированно друг от друга, в постоянной полемике, соперничестве и вражде. В результате этого наступил упадок (кризис) веры, отход от Церкви, рост секуляризации в обществе, распространение неверия, широкое распространение ислама, восточных мистических и оккультных движений и культов, фундаменталистских сект и разного рода парарелигиозных новых течений и групп».*

Нас удивляют слова «...христиане как бы смирились и свыклись с уродливыми язвами разделенного христианства и стали жить отдельно, изолированно друг от друга...». Уродливые язвы представляют собой причину разделений — ереси, о чем умалчивают наши авторы: а само разделение произошло в результате невозможности соединить истину с ложью.

Поэтому разделение было необходимой мерой для ограждения истины, для того, чтобы христианство не превратилось бы в лжехристианство, а Апостольская Церковь — в «церковь лжи». Когда невозможно единство, то отдельная форма жизни, то есть религиозная автономия, может быть является наиболее целесообразной формой сосуществования. Так же странно, что авторы одновременно порицают полемику и изоляцию; что же они хотят? Не принеся результатов дискуссия переходит, или в разделение (по их выражению, «изоляцию») или в полемику. Ни одно, ни другое не нравится нашим авторам. Какой же выход предлагают они?

Уже в предыдущие века были в основном исчерпаны все доводы в пользу и против православия, католицизма и протестантизма, значит, по сути дела, остается одно: искусственное создание общей платформы на основе догматического минимализма, а именно, совместное соглашение о том,

что для спасения необходимы только два догмата; вера в Святую Троицу и Христа как Спасителя мира, а остальное можно отнести к области теологуменов и богословских мнений, принадлежащих к традиции, но не имеющих решающего значения для объединения церквей.

Далее авторы считают, что грех разделения был причиной «...распространения неверия..., ислама..., оккультных движений» и т. д. Никакой материалист, магометанин, оккультист и т. д. не скажет, что причиной его мировоззрения или веры явилось разделение христианских церквей. Вряд ли душа Карла Маркса могла бы заявить, что толчком для написания «Капитала» послужил спор между патриархом св. Фотием и папой Николаем. Или современные иеговисты признали бы, что их секта является отдаленным следствием отпадения Римского патриархата от вселенского Православия.

Вряд ли можно серьезно думать, что ислам возник как протест против разделений в христианстве, когда в самой Аравии господствовало язычество. Причины отпадения от Церкви надо искать в духовно-нравственной сфере — в интеллектуальной гордыне ересиархов, противостоящих разуму Церкви, в потере евангельских идеалов, а иногда в желании эмансипировать себя от моральных законов. Вряд ли Лютер решил, что, если патриарх Михаил и папа Иоанн не нашли общего языка друг с другом, а Флоренская уния провалилась, то ему надо сбросить монашеские одежды и стать глашатаем реформации. Поэтому мы считаем такой взгляд на историю астигматичным (расплывчатым, размытым. — *Ред.*) и вывод авторов надуманным и фальшивым.

Далее авторы говорят, что *«В результате этого появилось экуменическое движение, как движение христианского покаяния, обновления, возрождения и призыва к совместным усилиям по восстановлению христианского единства во исполнение заповеди Господа о единстве всех христиан в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви».*

Попытки к примирению существовали всегда, но они редко оканчивались успехом, так как православная сторона считала, что единство вне истины невозможно; что в мистическом плане это будет единством не во Христе, а против Христа. Экуменизм действительно новое явление, но причины и условия его возникновения это не вдумчивый, объективный и честный анализ истории, а религиозный индифферентизм, который вычеркнул из словаря экуменизма слово «истина».

Православный, вступив в экуменическое движение, должен превратиться в какого-то двуликого Януса: в своей церкви он будет говорить, что использует экуменические организации, как трибуну для свидетельства того, что учение Христа сохранилось только в Православной Церкви во всей полноте и неповрежденности, а на экуменических ассамблеях станет заявлять совсем о другом: о взаимных усилиях для того, чтобы осознать участников экуменизма единым телом Христа. У себя дома он будет говорить о возможном возвращении еретиков в Православие; а в гостях, в Женеве, — о взаимном духовном обогащении церквей, конфессий и деноминаций, то есть говорить об обогащении Православия через опыт и «духовность» еретиков.

Экуменисты в пропагандистских целях заявляют о том, что единство между христианскими конфессиями даст мир миру и благоденствие человечеству. Неужели они закрывают глаза на тот очевидный факт, что во главе мировых государств стоят не только антиправославные, но и антихристианские силы, и что такое, казалось бы теократическое государство, как Ватикан, представляет собой не великую державу, а только великого банкира. Прочитайте биографии главных политических деятелей нашего времени, и вы увидите, как мало определяет христианство их деятельность и решения. Мы уже не говорим о мировых экономических системах, которые в большинстве своем относятся негативно к христианству. Поэтому посулы экуменистов напоминают давно знакомые нам утопии коммунистов.

Далее авторы говорят, что это (экуменическое) *«...движение стало всемирным движением большинства христиан и их церквей во всем мире, движением более 800 миллионов католиков, более 400 миллионов англикан и протестантов и всех Православных Церквей — всей православной канонической Полноты»* (стр. 15).

Православная полнота подразумевает единство и единомыслие иерархов и народа. Но православный народ в своем огромном большинстве не только не разделяет учение экуменизма, но относится к нему резко отрицательно, так как видит в нем опасность для самого Православия. Но в том-то дело, что вопрос о вступлении во Всемирный Совет Церквей решался в узком кругу иерархов и политических деятелей, а народа никто не спрашивал, как не спрашивают его теперь. Поэтому в экуменическом движении участвует не «полнота» Православия, а только часть иерархии, священников и теологов, поддерживаемая международными

экуменическими силами. Опрос верующих в любой форме мог бы показать отношение народа к этому генетически протестантскому явлению; но таких опросов никто не производил именно потому, что результат их очевиден.

Далее авторы пишут, что: *«Католики отпали от общения с Православной Церковью, но не были осуждены соборно как еретики, хотя у них неправильная, с нашей точки зрения, еkkлезиология (и филиокве)»*.

Как могли быть осуждены католики на Вселенских Соборах, когда последний из них состоялся в VIII столетии, а Римский патриархат окончательно отпал от Вселенской Церкви в XI веке. После этого собирались Поместные Соборы, которые осудили ряд ересей. На Поместных Соборах в Константинополе и в других патриархатах католицизм был осужден как папистская ересь. Надо сказать, что на Константинопольских соборах обычно присутствовали не только местные иерархи, но и представители других Поместных Церквей. Это была традиция, ведущая начало от времен византийских императоров, когда в Константинополе постоянно находились представители Восточных Церквей, которые принимали участие в работах и решениях соборов.

Католицизм был не раз осужден на общеправославных совещаниях и в Окружных посланиях, подписанных восточными патриархами с их синодами. Так, например, в послании от 1848 года католицизм по своим пагубным действиям сравнивается с ересью арианства. По такой странной «экуменической» логике нельзя назвать молокан и иеговистов еретиками, так как они не были осуждены соборно. (Еще вопрос к авторам: известны ли им постановления Поместного Собора Русской Православной Церкви при патриархе Филарете (Романове) насчет католицизма?)

Далее авторы пишут: *«Англиканы и протестанты явились продуктом Реформации; никогда в общении с Православной Церковью они не были осуждены ни Вселенским, ни Поместным соборами, и каноны Древней и Византийской Церквей не имели их в виду, когда издавались, хотя и в догматике, и в еkkлезиологии, и в основах канонического устройства они во многом заблуждаются по сравнению с верой, Преданием и наследием Древней Церкви. Однако еретиками Церковь соборно и официально их не объявляла»*.

Странное дело. Православные экуменисты то отвергают каноны Вселенских Соборов, запрещающих общие молитвы с еретиками, то требуют

подтверждения от Вселенских Соборов как высшего авторитета. Но нам придется разочаровать их в данном вопросе. VII Вселенский Собор предал анафеме тех, кто не покланяется святым иконам и не почитает их. Под эту анафематизму попадают англикане и протестанты. Отрицание иконопочитания является ересью. А сколько еще других заблуждений у протестантов. Неужели это неизвестно авторам. Протестантизм возник в недрах католицизма. Для нас он является ересью в ереси. Большинство сект, орудующих на территории православных стран, является частью протестантского конгломерата или генетически связаны с ним. Авторы между тем пытаются доказать православным, что это вовсе не ереси, а заблуждения и оригинальные формулировки, непривычные нашему слуху.

В VIII главе авторы пишут: *«Сознавая себя в непрерывной связи с верой, жизнью и преданием древней Церкви, наша Церковь считает своим прямым и священным долгом свидетельствовать о неповрежденном Апостольском и Святоотеческом Предании разделенным христианам, чтобы помочь восстановлению их единства в Единой Соборной и Апостольской Церкви»* (стр. 16).

Наша Церковь свидетельствует миру, во-первых, — и это самое главное, об истине посредством литургических молитв и спасении всего мира. К сожалению, современное человечество, в том числе богословы, потеряло представление о молитве как о реальной духовной силе, по крайней мере отводят молитве второстепенное место, надеясь больше на свою личную или коллективную активность. Ее свидетельство, во-вторых, — вся патристическая литература и современные богословские труды.

Содержание рождает форму. Католицизм и протестантизм, потеряв мистическую и литургическую глубину, упростив себя, стали более понятными миру на уровне слова, как яснее видится дно в мелководье. Сценичность католицизма и рационализм протестантизма делают возможным быстро ознакомиться с их содержанием и оценить на уровне душевных эмоций и плоской рассудочности. Протестантизм вполне вкладывается в проповедь, и поэтому может быть принято аудиторией после нескольких катехизических уроков.

Католицизм выражает себя преимущественно через образное мышление и представление; протестантизм — через суждения и рассудочные понятия, а Православие — через священную символику. В отличие от западных вероисповеданий Православие познается через включенность в духовную

реалию — Церковь, где участвуют не только эмоции и рассудок, но вся человеческая личность. Православие коммуникативно. Эти коммуникации проходят преимущественно по двум линиям: 1) литургическая символика, которая содержит в себе Священную историю, начинающуюся первым днем творения и завершающейся концом мира и переходом времени в вечность. Через литургическую символику человек становится включенным в библейские события, как бы участником их; 2) личная аскеза, которая очищает душу человека от страстей и грехов, соединяет ум с сердцем и дает возможность приблизиться к тому состоянию, которое называется созерцанием. Эта глубокая мистика Православия требует от человека подвига жизни.

Поэтому проповедь Православия — это призыв к подвижничеству, от степени которого зависят возможности духовного познания. Что касается экуменизма, то это не богословский диалог, от которого мы не отказываемся, хотя за предыдущие столетия богословские аргументации в достаточной степени исчерпали себя и вряд ли современные богословы могут найти что-то принципиально новое в сравнении с тем, что уже было сказано и написано. Но дело в том, что цель экуменизма — вовсе не возвращение еретиков и раскольников в Православие, а попытка обосновать и доказать якобы существующее невидимое единство всех христианских конфессий, и именно на этом ложном теософском постулате затем провозгласить их видимое единство как очевидную, но забытую истину, вновь открытую в экуменизме. Здесь речь идет не о приближении протестантизма к Православию, которое должно закончиться возвращением в Апостольскую Церковь, а о создании нового менталитета и богословского языка, — неопределенного, аморфного и обтекаемого, который бы ничего не доказывал и ничего не отвергал, но с которым (как раз благодаря его «рыбьему безгласию») согласились бы все, воспринимая его каждый по-своему.

Идея возвращения протестантского мира к Православию утопична, но она дает возможность маскировочного маневра, а именно, под цветистыми словами о любви и единстве подменять содержание православной веры секуляризованным морализмом и разрушать православный богословский менталитет. Надо сказать, что ВСЦ наихудшая трибуна для проповеди Православия. Скорее, племена, живущие в лесах Амазонки или пустынях Африки, воспримут истину и свет Православия, чем теологи и профессора протестантских университетов, привыкшие говорить о вере, закинув ногу на

ногу. Впрочем, на экуменических ассамблеях апологией не занимаются, напротив, осуждают прозелитизм; так что, если протестант захочет перейти в Православие, то это будет нарушением экуменических соглашений с православной стороны, вопреки словам Спасителя: «*грядущего ко Мне не изжену вон*» (Ин. 6, 37).

Странный парадокс. Православные экуменисты оправдываются у себя дома перед паствой тем, что их цель — вернуть заблудших в лоно Церкви, а если заблудший захочет сделать это, то оказывается, что прозелитизм осужден, то есть ему надо посоветовать, хотя бы на ухо, что лучше оставаться на своем месте.

Что касается протестантов, то, судя по радиопередачам, они часто оказываются лучше осведомленными тем, что происходит в Православной Церкви, чем сами православные. Поэтому, читая статьи православных экуменистов с их детскими объяснениями, что они хотят воспользоваться ВСЦ, как Архимед — своим рычагом, которым он обещался сдвинуть местом всю вселенную, протестантские теологи только улыбаются над остроумием этих деятелей и наивностью православной паствы.

Как мы отмечали выше, авторы неоднократно стараются убедить читателей, что католики и протестанты — братья во Христе, которые заблуждаются в вере, но не еретики. Что значит слово «ересь»? Это значит «особое мнение», в данном случае мнение, расходящееся с догматикой. Католики, изменив Символ Веры, уже этим самым попадают под анафемы Вселенских Соборов. Кроме того, они догматизировали главенство папы над Церковью, что представляет собой ектлезисологическую ересь; утвердили догмат о непорочном зачатии Девы Марии, что представляет собой сотериологическую ересь, и объявили анафемы тем, кто не примет этих новых «догматов», то есть под анафематизмы Рима попали все православные.

Вызывает удивление, что по мнению авторов, протестанты не еретики, хотя очевидно, что протестанты отошли от учения древней Церкви дальше, чем монофизиты и несториане. Но предположим, что католики, как хотелось бы авторам, не еретики; тогда их анафематизмы и проклятия, содержащиеся в постановлениях западных соборов и папских буллах, против протестантов, как еретиков, — действительно и действительны. Если же, как и мы полагаем, католицизм — это ересь, — то протестантство оказывается осколками от ереси, то есть многократной ересью.

Ссылка на Вселенские Соборы не только хронологически, но и по существу неубедительна. Вселенские Соборы не произносили анафематизмы на гностиков Валентина и Василида (II в.); из этого нельзя заключить, что Церковь считает их не злейшими еретиками, а только братьями во Христе, имеющими некоторые заблуждения в области веры.

В X главе авторы ссылаются на проф. Болотова, известного как своей эрудицией, так и крайним рационализмом. Они приводят слова прот. Ливерия Воронова — современного экумениста — о том, что Болотов является «корифеем русской Православной богословской науки» (стр. 21). Болотов был корифеем церковно-исторической науки, но корифеем богословия он никогда не был. Может быть, авторы смешивают богословие с археографией? Напротив, методология Болотова принесла определенный вред богословской науке, так как была основана на протестантских понятиях, например, о теологумене и частных богословских мнениях, которые до Болотова были чужды языку православного богословия и внедрились в него благодаря авторитету этого ученого-историка.

Болотов объясняет теологумен как богословское мнение одного или нескольких святых Отцов единой нераздельной Церкви. Здесь уже ошибка. Церковь не разделяется, она остается Единой, — от Церкви отпадают ереси. В VI веке от нее отпали ариане, в V веке несториане и монофизиты, в XI веке — католики. Таким образом, трудно указать время и даты существования «неразделенной» Церкви. Богословское мнение — более широкое понятие, чем теологумен. Это может быть частное мнение или групповое, без обязательной ссылки на какой-либо авторитет. Такая классификация дает возможность экуменистам стилизовать еретические взгляды под теологумены и богословские мнения, то есть открывает новый интеллектуальный простор для словесного маневрирования. И здесь вместо обращенности к вероучительным памятникам и символическим книгам Православной Церкви, начинается коллекционирование ошибок, оговорок, неточностей, встречающихся у древних писателей и святых Отцов, чтобы противопоставить их традиционной православной вере под видом «новооткрытого православия».

Далее авторы отмечают, что *«В. В. Болотов участвовал в работах Петербургской комиссии и изложил собственные взгляды в своих прославленных "Тезисах о филиокве"». Они имеют громадное и решающее*

значение в истории споров о “филиокве” и являются образцом научной точности, патристической эрудиции и объективности в методологии церковно-исторических и богословских исследований, особенно связанных с вопросами, по которым нет согласия между Православием и инославными исповеданиями» (стр. 21).

Болотов принадлежал к числу таких эрудитов, как Гарнак, который воспринимал христианство рассудком, не отличаясь религиозностью в личной жизни. Это была особая академическая вера, которая не определяла науку, а скорее определялась ей. Не только в вопросе о «филиокве», но и во многом другом Болотов выступал с оригинальными взглядами, с личными богословскими мнениями. Авторы явно кривят научной совестью, когда говорят о «прославленных» «Тезисах о филиокве» Болотова. Они были напечатаны в России через много лет после смерти автора в 1913-14 гг., когда уже духовные академии с их профессурой подверглись коррозии либерализма. Никакого «решающего» значения в истории споров о «филиокве» они не имели и не имеют. Что касается дальнейших цветистых слов авторов по отношению к рационалисту Болотову, то это не объективная оценка его, как фактолога и историка, а желание воспользоваться ошибками и слабостями выдающегося ученого.

Поэтому похвала его «Тезисов о филиокве», похожая на акафистное пение, представляет собой эксплуатацию имени Болотова, и мы хотели бы сказать, словесный экуменический «елей, освященный в Женеве».

Авторы восхищаются какой-то «математическо-логической точностью» этих «Тезисов», не оставивших заметного следа в православном богословии. Наверно авторы незнакомы с термином «математическая логика», поэтому мы предлагаем им обратиться к любой самой популярной энциклопедии, чтобы восполнить свою эрудицию.

Болотов считает филиокве теологуменом. Но, во-первых; теологумен, воспринятый всей конфессией, уже становится не предположением для ее членов, а органической частью вероисповедания. Во-вторых, и главное, католики возвели филиокве в степень догмата, а ложный догмат — это ересь. Теологумены не могут попасть в Символ Веры, как это произошло с филиокве в католицизме. Напротив, Символ Веры является концентрацией наиболее важных догматов, хоты все догматы имеют непосредственное отношение к спасению и служат критериями в различии духовной истины от духовной лжи. Филиокве относится к внутренней жизни Святой Троицы,

поэтому является важным тринитарным догматом (для нас — лжедогматом). При филиокве Бог Отец перестает быть Безначальным Началом Святой Троицы. Бог Отец, как Бог Абсолют, будучи достаточным, для рождения Бога Сына Абсолюта, оказывается недостаточным, чтобы быть Предвечным Началом Духа Святого Абсолюта, и здесь необходимо соучастие Бога Сына, чтобы восполнить эту недостаточность.

Авторы приводят «Тезисы о филиокве» Болотова, как пример «математическо-логического» мышления. Но один из законов математической логики, приписываемый еще Оккаму, гласит: «Не умножать сущностей без необходимости». Так что даже на уровне логического мышления взгляд Болотова на филиокве не оправдан.

Авторы далее указывают, что 27 тезисов о филиокве были составлены Болотовым для дискуссии со старокатоликами. При этом авторы совершенно произвольно утверждают, что они стали решающими для дискуссии выводами, хотя она реальных результатов не дала. Надо учесть, что старокатолики отошли от Рима за его нововведения, в частности догмат о непогрешимости папы. Но вместо того, чтобы приблизиться к православию, они сделали непонятный зигзаг и повернулись к протестантизму.

Перейдем к тезисам Болотова, цитируемым в данной статье.

Тезис 20 — *«Многие Западные, проповедовавшие “филиокве” своим паствам, ни с чьей стороны не встречали возражения, жили и умирали в общении с Восточной Церковью».*

Надо сказать, что в то время термин «филиокве» был еще недостаточно четко определен. Западные отцы — из тех, кто употребляли это слово, могли впадать в него неадекватный современным понятиям смысл, а именно, Дух Святой предвечно исходит от Отца, но во времени посылается Церкви ради крестной жертвы Спасителя, на которой основана сама Церковь. В таком смысле, от Сына исходящего означает через Сына, через совершенное Им дело спасения человечества по евангельским словам: «Я пошлю вам Духа, Который от Отца исходит» (Ин. 15, 26). Здесь мы видим не ересь, а недостаточную дифференциацию понятий «от Сына», «через Сына», «ради Сына», которые употреблялись как синонимы.

Тезис 23 — *«Если Западные на VI и VII Вселенских Соборах своего “филиокве” Восточным не предъявляли, то и Восточные не ставили им вопросов об этом для окончательного разъяснения недоумений».*

Во времена VI и VII Вселенских Соборов Западная церковь официально не приняла филиокве как догмат, поэтому оно не разбиралось как ересь.

Тезис 25 — *«Фотий и его преемники имели общение с Западной церковью, не получив (и видимо, не требуя) от нее соборного отречения (в “прямых словах”) от «филиокве».*

Во времена Фотия «филиокве» стали употреблять преимущественно Галльские епископы, поэтому в своем послании Фотий предупреждал папу Николая о вкравшихся неправильностях, но не как заблуждений всей Западной церкви. Поэтому он не требовал и не ожидал Соборного отречения, которое было бы необходимо, если бы искаженный Символ Веры приняла бы вся полнота Поместной Римской Церкви.

Тезис 26 — *«Не вопрос о “филиокве” вызвал «разделение между Церквами».*

Следовало бы сказать: «Не только вопрос о “филиокве”, а ряд других отклонений и заблуждений Римской Церкви», которые достигли такой степени, когда единство с Римской Церковью означало бы для Восточных патриархов солидарность с ее ошибками, то есть соучастие в уже вполне выраженной ереси.

Тезис 27 — *«Следовательно, “филиокве”, как богословское частное мнение, не может считаться “непреодолимым препятствием” для восстановления общения между Восточной Православной и Старокатолической Церквами; (то есть Восточной и Западной)».*

Вероисповедание Поместной Церкви никак не может считаться частным богословским мнением. Хоты авторы восхищаются «математико-логической» точностью языка Болотова, но здесь мы видим поразительный алогизм: еретический догмат, в то время самой большой по численности поместной церкви, может быть в этом числовом значении большей, чем остальные патриархаты вместе взятые, вдруг объявляется ничем иным, как частным мнением. Теологумен, официально принятый поместной церковью, получает для нее значение вероисповедальной истины. Поэтому словесное умиление авторов насчет тезисов о «филиокве» Болотова

является подготовительной психологической обработкой читателя. Этим самым они как бы выпячивают ошибки Болотова и делают плохую услугу его славе, как выдающегося историка и полиглота. Надо сказать, что впервые эта работа была опубликована в Германии именно потому, что она подходила к мышлению старокатолических и протестантских теологов-рационалистов. На русском языке она появилась только спустя 15 лет.

В X главе авторы, утверждая, что экуменизм существовал в Русской Церкви уже в XIX столетии, приводят в пример свят. Филарета, митр. Московского. А как мы увидим далее, они просто-напросто спекулируют его именем. Они пишут: *«К примеру, можно упомянуть авторитетное для всей Церкви учение святителя Филарета (“великого Филарета”, по выражению проф. В. Н. Лосского), в то время митрополита Московского, а ныне причисленного Церковью к сонму прославленных святителей Московских и всея Руси. Здесь имеются в виду его знаменитые “Разговоры между испытующим и уверенным в православии Греко-Российской Церкви” (1815-1832)».*

Во-первых, здесь допущена, может быть небольшая, но существенная ошибка. Книга св. Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным» была написана в то время, когда митр. Филарет имел сан архимандрита. Авторы совершенно игнорируют особый жанр книги, а именно, что она представляет собой диалог — беседу двух лиц, где митр. Филарет не говорит от своего имени, а развертывает диалог наподобие ранних диалогов Платона, где истина выясняется постепенно, путем всестороннего исследования предмета, и участники диалога не только приходят к согласию, но в процессе самих бесед обогащаются новыми идеями по мере уяснения истины и разрушения недоумений. Сравним «Разговоры» с «Катехизисом» свят. Филарета и мы увидим в них принципиальную структурную разницу.

В «Катехизисе» митр. Филарет отвечает прямо от лица Церкви. Там доказательства основаны на Священном Писании и имеют форму законченных утверждений. В «Разговорах» идет свободная беседа между двумя лицами. Автор не вмешивается в беседу, а только направляет ее. Он как бы стоит рядом с «уверенным», но не отождествляет себя с ним. Это дает ему возможность избегать императивов в доказательствах, а постепенно доводить «испытующего» до познания и признания истины, а «уверенному» еще больше утверждаться в ней. Этот прием, часто

употребляемый в литературе, не дает права отождествлять писателя с созданным им, то есть несуществующим, персонажем. В этом утверждает нас несоответствие между некоторыми выражениями «уверенного» и взглядами самого митр. Филарета, выраженными в его остальных произведениях, где он говорит от своего собственного имени, а также в его знаменитом «Катехизисе».

Характерно, что в одной из своих резолюций, относящихся ко времени царствования Александра II, он требует наказания католических миссионеров за соращение ими православных в католическую веру. При чем аргументирует это таким, вовсе не экуменическим доводом: если похититель чужого имущества должен быть наказан, то тем более — похититель человеческих душ. В других местах он утверждал, что Церковь только одна и считал слова «разделение церквей», а не «отпадение от единой Церкви», неточной формулировкой. Так что понятно, почему экуменисты идентифицируют с «уверенным» самого митрополита и в тоже время не могут найти в его огромном письменном наследии ничего более «съедобного» для себя.

Авторы цитируют слова «уверенного»: «Никакую Церковь, верующую яко Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложной». Но ведь все еретики учили, что Иисус есть Христос. Даже гностики, которых св. Поликарп, ученик апостола Иоанна, назвал «первенцами сатаны», ариане, македониане, несториане, монофизиты, иконоборцы, манихеи, павликиане, бугомилы в Болгарии и жидовствующие на Руси считали, что Иисус есть Христос. Значит поэтому они не еретики? Приписывать такую кощунственную и, мы бы сказали сверхкощунственную, мысль св. Филарету, это значит допустить существование двух Филаретов: одного сверхэкумениста, который в своих радикальных выводах перегнал все комиссии ВСЦ, и другого Филарета — стойкого защитника Православия.

Между тем, митр. Филарет в своем «Катехизисе» прямо утверждает, что спасение возможно только в Православной Церкви; а в других своих произведениях ересь называется ересью, раскол — расколом, а переименование православных в другие конфессии — соращением. К тому же эта выдернутая из контекста фраза бессмысленна сама по себе: ведь те, кто не верят, что Иисус — есть Христос, уже не еретики, а иноверцы. Например, Коран признает за Иисусом пророческое достоинство, но не считает его Христом.

Как же нам относиться к магометанству? Как к ереси или другой религии? Надо сказать; что в тексте «Разговора» уверенный говорит: «Я не дерзаю назвать...», это может быть понятно также: я отлагаю этот вывод на будущее, когда мы решим другие вопросы, а теперь бы он был преждевременным, и поэтому неубедительным. Если бы даже митр. Филарет от своего имени изложил ошибочную и ложную мысль, мы должны бы сказать, что и праведник ошибается, особенно сравнив эту мысль с текстами всех его произведений. Но здесь речь идет даже не об ошибке, а о приеме ведения дискуссии, когда аргумент дается не в форме императива, а в виде предложения — совместно разобраться в проблеме, чтобы «сомневающийся» сам нашел ответ.

Такую форму диалога митр. Филарет избрал также в силу следующих обстоятельств: православное богословие или, если угодно, апологетика, в те времена подвергалась внегласному гонению. Богословы, осмеливающие критиковать католичество, протестантизм или мистические секты, а также цензоры, пропустившие такие книги, сами подвергались гонениям; во времена Анны Иоанновны — пыткам и физическим наказаниям, во времена Александра I — ссылкам. Поэтому книга, прямо критикующая западные вероисповедания, была бы запрещена.

К кому обращался в этой книге митр. (тогда архимандрит) Филарет? Преимущественно к современному ему светскому обществу, в котором наблюдался отход Православия и увлечение теософскими и мистическими идеями. У этих людей сложилось предвзятое отношение к Православию, и поэтому надо было очень осторожно и постепенно подводить их к мысли, что Православие было и остается верным хранителем священной истины и неповрежденного учения Евангелия. Если бы митр. Филарет начал бы свою книгу с категорических утверждений и суровой критики, то его книгу не стали бы читать.

Мы повторяем, что эта книга была написана не для простого народа, который оставался верным Православию, а для дворянства и нарождающейся интеллигенции, которая находилась под влиянием западных идей как мистических, так и революционных; для тех, кто относился к христианству с позиции теософского адогматизма; для тех, кто отдавал явное предпочтение католицизму над Православием. Поэтому он последовательно и постепенно приводит своего читателя к убеждению, что именно в Православной Церкви, гонимой в то время государственной

властью и презиравемой аристократическим обществом, живет дух и Предание Апостольской Церкви.

Некоторые современники упрекали свят. Филарета в осторожности и даже в дипломатии. Но его осторожность заключалась в трезвой оценке сил, с которыми он должен был вести борьбу, и взаимоотношении между современным ему обществом и Церковью. Он ждал изменения ситуаций, и когда оно действительно последовало, то оказался главным лидером Православия в России. Он заставил тоже общество уважать Православную Церковь и поднял авторитет духовенства на новую высоту. Что касается обвинения в дипломатичности, то дипломатия в правильном смысле этого слова — умение добиться возможного в конкретных обстоятельствах, и в этом отношении свят. Филарет сделал все, что мог.

Авторы статьи не могли сослаться ни на одно произведение, проповедь или хотя бы резолюцию свят. Филарета, где бы развивались идеи экуменизма, которые они с легкой руки приписали ему. Ни один литературовед не решился бы отождествить внутренний мир Шекспира с монологами Гамлета, хотя Шекспир, по-видимому, сочувствовал своему герою.

Можно привести еще один аргумент о том, что книга «Разговоры» имела в виду дворянское общество, открытое для религиозных веяний Запада, как дом без окон открыт всем ветрам. Поводом к написанию книги послужила просьба оберпрокурора Синода князя Голицына, племянника которого митр. Филарет отвратил от католичества. Сам Голицын в молодости был атеистом, а затем, познакомившись со Священным Писанием, пришел к вере, но увлекся западным мистицизмом. Он считал себя православным; католицизм явно недолюбливал и, пользуясь своим высоким постом в государстве, покровительствовал различным сектантам, лжепророкам, экстатикам, называвших себя «духовными христианами».

Под его влиянием долгое время находился сам император Александр I. Голицын сначала предложил архим. Филарету воспроизвести письменно беседы с племянником. Но архим. Филарет поступил по-другому: он взял на себя тяжелый и объемистый труд: доказать истинность Православия, сообразуясь с менталитетом и понятиями «высшего света» России, в котором смешалось все вместе — христианство, масонство и вольтеррианство, которое искало Христа не в Церкви, а в сектантских собраниях и мистических кружках. К этому еще надо прибавить

кропотливую и неустанную работу иезуитов, которые старались тайно, а в некоторых случаях явно совращать православных в католицизм.

Повторяем: этими факторами объясняются некоторые особенности структуры диалога, осторожность и постепенность в доказательствах и выводах, которые в другом более решительном и непримиримом варианте, были бы отвергнуты с самого начала этим духовно больным обществом, предубежденным против Православия, или вообще в то время такая книга не могла бы увидеть свет.

Сама по себе цитата, вырванная из контекста, имеет весьма относительный характер и мало что доказывает. Для того, чтобы цитата из святого Отца имела силу аргумента, она должна быть проверена через согласие с Библией, учением большинства Отцов, общей идеей произведения и с аналогичными высказываниями того же автора.

Нам хочется еще предостеречь читателей в том, что экуменисты ищут не только сближения на уровне богословия, но еще на уровне мистики, которая в западных исповеданиях приняла болезненный, а то и демонический характер. Они хотят соединить православный аскетизм с западным квиетизмом и таким образом сделать католических и протестантских экстатиков учителями внутренней жизни для православных. Доказательством этого служит заявление экуменистов, в том числе православных, что они на совместных молитвах обогащаются духовным опытом друг от друга.

Приложение

Так как модернисты «всех мастей» хотят превратить книгу «молодого Филарета» — «Разговоры» в Царь-пушку для обстрела Православия, то мы суммируем вышесказанное нами по этому поводу.

Авторы статьи ссылаются для подтверждения своих взглядов на волюнтаристски выбранные и истолкованные ими цитаты из «Разговоров» свят. митр. Филарета. При этом совершенно игнорируется задача, смысл и цель этой книги, среда, к которой она обращена, и те обстоятельства, в которых находилась Церковь. С Православной Церковью боролись два могущественных врага: западный мистицизм, которому покровительствовал император Александр I, и католицизм, которому сочувствовал император Павел I; благодаря чему орден иезуитов прочно обосновался в России.

В свое время свят. Василий Великий должен был защищать Церковь от христологических ересей — арианства и македонианства; при этом великий Святитель вначале обратил все силы на борьбу с арианством. Даже его духовный брат и друг Григорий Богослов упрекал его за то, что он недостаточно решительно обличает македонианство. Но Василий Великий считал, что македонианство основано на арианстве и падет вместе с ним. Свят. Филарет считал, что в современной ему ситуации более необходимо и целесообразно бороться с католицизмом, и поэтому по отношению к мистицизму занял несколько осторожную и выжидательную позицию. Однако книга «Разговоры» составлена так, что сторонник западного квиетизма или масонского пантеизма, читая ее, мог бы найти в этой книге ответ на сомнения и отрицания, характерные для высшего общества по отношению к Православной Церкви.

Поэтому в данной книге митр. Филарет употребляет метод постепенного раскрытия Православия перед теософски и прокатолически настроенной публикой. Если даже прототипом «уверенного» служит сам митрополит, то это не дает право отождествлять его с персонажем собственного произведения, за все слова которого отвечал бы автор. Беседа ведется не в духе императива, а в форме античного диалога, где оппонента не столько убеждают, сколько он убеждается сам.

Надо сказать, что во времена митр. Филарета были попытки со стороны протестантов к объединению церквей, одной из которых явилось посещение России англиканским пастырем из Америки Юнгом. Разумеется, это посещение не принесло никаких реальных плодов, но для нас слова Филарета, сказанные после отъезда Юнга, характеризуют отношение московского Святителя к подобным «объединениям»: «Примирители церквей, которых он (Юнг) представляет, ткнут покров на разделение, а не соединяют».

Касаясь ложных экуменических толкований слов «уверенного» о том, что он «не дерзает назвать ни одну церковь исповедующей, что Иисус есть Христос — еретической», как убеждения самого свят. Филарета, надо отметить тот факт, что Филарет запрещал совершать над умершими не только иноверцами, но и раскольниками христианское погребение и хоронить их на православных кладбищах. А ведь раскол формально ближе к Церкви, чем католичество или протестантство.

Экуменизм — совершенно новое явление в истории Церкви, хотя экуменисты ссылаются на какие-то традиции. Раньше существовали богословские диалоги между православными и инославными, но это не влекло за собой никаких обязанностей для принимавших участие в богословских встречах сторон. А ВСЦ — не диалог, а организация с определенным уставом, имеющая свои четко выраженные цели и средства. Как Православная Церковь, будучи Единой Церковью и мистическим Телом Христа Спасителя, Бога Абсолюта, может стать членом какой-либо организации? В Церкви соединяется Бесконечное с конечным; Абсолютное — с ограниченным; Предвечное — с сотворенным во времени. Поэтому Церковь не может вписаться в какую-либо организацию с членством и уставом: «Она Тело Того, Кто наполняет все».

Экуменисты упрекают нас в конфессиональной гордости за то, что мы считаем Православие единственной духовной истиной. Но мы видим в самом экуменизме презрительную гордыню и высокомерие по отношению к Православию. Они как бы говорят нам: фанатики и невежды, закомплексованные своими канонами, мы ведем вас из мрака средневековья в свет цивилизации и прогресса, мы покажем вам истинное христианство, сломав все догматизированные предрассудки, которыми вы отгородились от мира, а если вы не слушаете нас, то придет время, когда мы заставим вас сделать это для вашего же блага и во имя общего мира и счастья на земле.

Сноски

- [1]. Характерно, что авторы приводят евангельский стих в сокращении. Вот полный текст цитаты: «Отче святой! Соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал, чтобы они были едино, как и Мы». Могут ли быть православные в единстве с еретиками по подобию единства Лиц Святой Троицы, как предлагают это апологеты экуменизма?
- [2]. Апостол Иоанн запрещал верующим принимать еретиков (докетов) в свои дома и даже приветствовать их.

[Архимандрит Рафаил \(Карелин\)](#)